

Рэймонд
Чандлер

ВЫСОКОЕ ОКНО

« И Н О С Т Р А Н К А »

Филип Марлоу

Рэймонд Чандлер

Высокое окно

«Азбука-Аттикус»

1942

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Чандлер Р.

Высокое окно / Р. Чандлер — «Азбука-Аттикус»,
1942 — (Филип Марлоу)

ISBN 978-5-389-16558-7

Книги Рэймонда Чандлера о Филипе Марлоу не только заложили основы жанра «крутого» детектива, но и стали современной классикой в самом широком смысле. Данное издание содержит три первых романа о знаменитом частном сыщике – «Вечный сон», «Прощай, красавица» и «Высокое окно». Марлоу представляет собой новый тип детективного героя: он романтик, сентиментальный рыцарь, всегда сохраняющий свою индивидуальность и соблюдающий кодекс чести. Он не ищет приключений – они сами его находят, причем сюжет, изобилующий фирменными головокружительными хитросплетениями, начинается, как правило, довольно невинно. Так, в «Вечном сне» отставной генерал Стернвуд поручает Марлоу разобраться с авантюристом, шантажирующим его младшую дочь; в первой сцене романа «Прощай, красавица» сыщик всего лишь напоминает одному громиле, что за выпивку надо платить; а в «Высоком окне» вдова миссис Мердок поручает Марлоу найти дублон Брэшера – редкую золотую монету, пропавшую из коллекции ее покойного мужа... На сюжеты Чандлера поставлено несколько эталонных фильмов-нуар, и для многих образ Марлоу прочно ассоциируется с личностью Хамфри Богарта, несколько раз игравшего эту роль, начиная с экранизации «Вечного сна», снятой в 1946 году Говардом Хоуксом, причем соавтором сценария выступил Уильям Фолкнер. Но Богарт не был первым: еще до его «Вечного сна» были сняты две экранизации романа «Прощай, красавица» – с Джорджем Сандерсом в 1942 году и с Диком Пауэллом в 1944-м. «Высокое окно» было экранизировано дважды: в 1942 году под названием «Время убивать» и в 1947 году как «Дублон Брэшера» («Кровавые деньги» в русском переводе), причем в последнем фильме роль Марлоу исполнил звезда вестернов Джордж Монтгомери.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-16558-7

© Чандлер Р., 1942

© Азбука-Аттикус, 1942

Содержание

1	7
2	9
3	18
4	22
5	25
6	31
7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Рэймонд Чандлер

Высокое окно

© Д. В. Вознякевич, перевод, 2019

© А. Я. Ливергант, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

1

Пасадена, Дрезден-авеню, район Оук-Нолл. Большое, солидное здание из красного кирпича, с белой каменной отделкой и терракотовой черепичной крышей, под которой, наверно, и в такую жару должно быть прохладно. Нижние окна витражные, а верхние отделаны многочисленными аляповатыми каменными украшениями.

От обсаженной цветником передней стены плавно сбегает вниз, к улице, протянувшаяся футов на сто пятьдесят симпатичная зеленая лужайка, которая, точно прохладная зеленая волна на скалу, накатывается на громадный кедр, стоящий у нее на пути. И пешеходная дорожка, и садовая аллея очень широкие, а вдоль аллеи растут три живописные акации. Жаркое летнее утро. Все живое совершенно замерло в бездыханном пекле, которое по здешним понятиям считается погожим прохладным днем.

Я знал только, что здесь живет некая миссис Элизабет Брайт Мердок с семьей и что она хочет нанять приличного, скромного частного детектива, который не стряхивал бы пепел на ковер и не носил больше одного пистолета. Еще я знал, что она вдова старого усатого олуха по имени Джаспер Мердок, который столько заработал, служа обществу, что теперь из года в год на его годовщину пасаденская газета помещает его фотографию с датами рождения и смерти и подписью: «Он жил для людей».

Я оставил машину на улице и, ступая по неровным каменным ступеням, выложенным на зеленой лужайке, поднялся на кирпичное крыльцо под остроконечной крышей и позвонил в дверь. От входной двери к аллее вдоль фасада протянулась короткая низкая стена из красного кирпича. В конце дорожки на бетонной тумбе застыла фигурка негритенка в белых бриджах, зеленой куртке и красной фуражке. В руках он держал хлыст, а из бетона у его ног торчало кольцо, к какому привязывают лошадей. Вид у негритенка был довольно грустный, как будто он уже давно ждет чего-то и приуныл. Дожидаясь, пока мне откроют, я подошел и потрепал его по голове.

Через некоторое время гримза средних лет, в наколке и фартуке горничной, приоткрыла входную дверь и подозрительно уставилась на меня.

– Филип Марлоу, – сказал я. – К миссис Мердок. Назначено.

Гримза заскрипела зубами, захлопнула глаза, распахнула их и сварливым, грубым голосом, словно это была не горничная, а американский первопроходец, буркнула:

– Какую именно?

– Чего?

– Вам какую миссис Мердок? – чуть было не завизжала она.

– Миссис Элизабет Брайт Мердок. Я не знал, что у вас их тут много.

– Теперь будете знать, – отрезала гримза. – Визитная карточка при вас?

Горничная просунула в щелку кончик носа и тощую мускулистую руку. Я вынул бумажник и вложил ей в пальцы свою визитную карточку. Рука и нос исчезли, дверь захлопнулась.

Надо было, видно, идти с черного хода. Я опять подошел к негритенку и, потрепав его по голове, сказал:

– Не везет нам с тобой, брат.

Придется ждать. Я сунул в рот сигарету, но не закурил. Из проехавшего мимо бело-голубого фургончика мороженщика до меня донеслась мелодия «Индейка на сене»¹. Большая, черная в золоте бабочка спланировала на куст гортензии прямо у моего локтя, несколько раз медленно повела крылышками вверх-вниз, потом тяжело поднялась и поплыла в неподвижном, раскаленном воздухе.

¹ «Turkey in the Straw» – американская народная песня, известная с начала XIX в.

Входная дверь опять приоткрылась.

– Ступайте за мной, – приказала гримза.

Я вошел. Гостиная большая, квадратная, сумрачная и прохладная. Тишина как в склепе, и примерно такой же запах. Затянутые тканью грубо оштукатуренные стены; за высокими окнами декоративные металлические решетки; тяжелые резные стулья с плюшевыми сиденьями, обтянутыми материей, спинками и болтающимися золотыми кистями. В глубине – витраж величиной с теннисный корт. Под витражом, за занавеской, застекленные двери. Старая, затхлая, сырая, надутая, прилизанная, мрачная комната. В такой гостиной не погостишь. Стол с мраморной столешницей и кривыми ножками, позолоченные часы, несколько разноцветных мраморных статуэток. Куча хлама, который и за неделю не выметешь. Куча денег – и все на ветер. Лет тридцать назад, когда Пасадена еще была богатым, степенным провинциальным городом, эта комната, по-видимому, смотрелась совсем неплохо.

Мы вышли в коридор, свернули направо, и вскоре гримза открыла еще одну дверь и сделала мне знак войти.

– Мистер Марлоу, – прорычала она с порога и удалилась, скрипя зубами.

2

Комната небольшая, выходит на задний двор. На полу уродливый красно-бурый ковер, обстановкой напоминает контору. За письменным столом сидит худая, хрупкая на вид блондинка в роговых очках, на откидной доске слева от нее пишущая машинка. Руки держит на клавишах, но бумага в машинку не вложена. Следит, как я вхожу в комнату, с выражением напряженного недоумения, какое бывает у застенчивого человека, когда его фотографируют. Внятным тихим голосом предложила мне сесть:

– Я мисс Дэвис. Секретарша миссис Мердок. Она поручила мне выяснить, кто может дать вам рекомендации.

– Рекомендации?

– Именно. Это вас удивляет?

Я положил шляпу на стол, а на шляпу – незажженную сигарету.

– Выходит, она пригласила меня, ничего обо мне не зная?

Губа задрожала, и блондинка прикусила ее. Не знаю, испугалась она или возмутилась, либо просто ей никак не удавался сухой, деловитый тон. Во всяком случае, вид у нее был не самый счастливый.

– Ей говорил о вас директор филиала Калифорнийского коммерческого банка. Но она хотела бы узнать о вас побольше.

– Приготовьте карандаш, – сказал я.

Подняла его со стола и показала. Давно готов, остро очинен.

– Во-первых, – начал я, – один из вице-президентов этого же банка. Джордж С. Лик. Кабинет у него в главном управлении. Затем сенатор Хьюстон Оглторп. Он бывает в Сакраменто, а бывает у себя, в административном комплексе в Лос-Анджелесе. Затем Сидни Дрейфус-младший из юридической конторы «Дрейфус, Тернер и Свейн», в Отделении титульного страхования. Записали?

Писала она легко и быстро. Кивнула, не подымая головы. В ее светлых волосах плясали солнечные зайчики.

– Оливер Фрай из корпорации бурильных установок «Фрайт – Кранц». Их фирма находится на Восточной Девятой улице в промышленном районе. Ну а если хотите кого-нибудь из полиции, тогда это Бернارد Олс из прокуратуры округа и лейтенант уголовной полиции Карл Рэнделл из центрального отдела расследования убийств. Может, хватит, как вы считаете?

– Не смейтесь надо мной. Я выполняю распоряжение.

– Если не знаете, зачем меня вызвали, двум последним звонить лучше не стоит, – предупредил я. – Я над вами и не смеюсь. Жарко сегодня?

– Для Пасадены – не очень, – сказала блондинка и, взгромоздив перед собой на стол телефонную книгу, принялась за работу.

Пока она искала номера телефонов и звонила, я как следует ее рассмотрел. Бледная, но бледность естественная, и вид вполне здоровый. Волосы жесткие, светлые с медным отливом. Сами по себе не уродливые, но так туго затянуты на узком черепе, что кажется – это не волосы вовсе. Брови редкие и необычайно прямые, темнее волос. Ноздри бледные, как бывает при малокровии. Подбородок маленький, острый, нервный. Никакой косметики, только губы слегка подкрашены светлой помадой. Глаза за очками очень большие, ярко-синие, с огромными зрачками и отсутствующим взглядом. Немного сужены по-восточному – то ли из-за тяжелых век, то ли из-за гладкой от природы кожи, подтягивающей уголки глаз. Во всем лице, которому очень не хватает хорошей косметики, какое-то загадочное нервное обаяние.

Полотняное платье с короткими рукавами, никаких украшений. На руках пушок и веснушки.

Я не прислушивался к вопросам, которые она задавала по телефону. Все, что говорилось ей, она стенографировала ловкими, непринужденными движениями карандаша. Закончив работу, повесила телефонную книгу обратно на стену, встала, оправила полотняное платье и сказала:

– Я сейчас... – и направилась к двери. С полдороги вернулась и задвинула верхний ящик письменного стола. И вышла из комнаты.

Дверь закрылась. Наступила тишина. За окном гудели пчелы. Откуда-то издалека доносился вой пылесоса. Я взял незажженную сигарету, вставил ее в рот и встал. Подошел к письменному столу и выдвинул тот ящик, из-за которого она вернулась.

Казалось бы, какое мне дело? Чистое любопытство. Какое мне дело, что у нее в столе лежал маленький автоматический кольт? Я задвинул ящик и опять сел.

Через четыре минуты дверь открылась, и блондинка сказала с порога:

– Миссис Мердок ждет вас.

Мы опять прошли по коридору, она открыла одну створку двустворчатой стеклянной двери и пропустила меня внутрь. Я вошел, и дверь за мной закрылась.

Внутри было так темно, что сначала я ничего не видел, кроме слабого солнечного света, пробивавшегося сквозь густую зелень и жалюзи. Потом, присмотревшись, я понял, что комната была чем-то вроде солярия, совершенно заросшего снаружи. Обстановка состояла из циновок и плетеной мебели. У окна стоял шезлонг с гнутой спинкой и таким количеством соломенных подушек, что хватило бы на чучело слона. В шезлонге, откинувшись на спинку, с бокалом в руке сидела женщина. Я еще не успел как следует разглядеть ее, а уже почувствовал терпкий запах винных паров. Наконец глаза привыкли к темноте, и я рассмотрел миссис Мердок.

Крупные черты лица, челюсть боксера. Оловянного цвета волосы, тугий перманент, хищный клюв и большие неподвижные глаза сфинкса. На шее кружевная косынка, хотя такой шее больше подошел бы футбольный свитер. Серое шелковое платье. Толстые руки, голые и шершавые. В ушах черный янтарь. Перед ней низкий столик со стеклянной крышкой, а на нем бутылка портвейна. Потягивает из бокала, который держит в руке, смотрит поверх него на меня и молчит.

Я стоял у двери и терпеливо ждал, пока сфинкс допьет портвейн, поставит бокал на столик и опять наполнит его. Наконец она приложила к губам носовой платок и заговорила. Твердым низким голосом человека, с которым шутки плохи.

– Садитесь, мистер Марлоу. Только, пожалуйста, не закуривайте. У меня астма.

Я сел в плетеное кресло-качалку и спрятал так и не зажженную сигарету в нагрудный карман за носовой платок.

– Я никогда не имела дело с частными детективами, мистер Марлоу. И ничего о них не знаю. Ваши поручители меня устраивают. Сколько вы берете?

– За что, миссис Мердок?

– Дело, разумеется, сугубо конфиденциальное. Полиция не должна иметь к нему никакого отношения. В противном случае я вызвала бы полицию, а не вас.

– Я беру двадцать пять долларов в день, миссис Мердок. Плюс расходы, естественно.

– Немало. Вы, наверное, много зарабатываете. – Она отпила из бокала.

Не люблю портвейн в жару. Правда, никто мне его и не предлагал.

– Нет, – возразил я. – Не много. Впрочем, вы можете найти детектива за любую цену, как и адвоката. Или дантиста. Я ведь не организация. Я работаю один и несколько дел одновременно не веду. Я рискую, иногда сильно рискую, а иногда сижу без работы. Нет, по-моему, двадцать пять долларов в день не так уж много.

– Понятно. А что вы называете расходами?

– Набираются всякие мелочи. Никогда не знаешь заранее.

– Хотелось бы все-таки знать, – ядовито сказала она.

– Узнаете. Все вам распишу черным по белому. Если мой счет вас не устроит, у вас будет возможность его опротестовать.

– А на какой аванс вы рассчитываете?

– Ста долларов будет достаточно.

– Еще бы, – сказала она, допила портвейн и тут же, даже не вытирая рта, опять наполнила бокал до краев.

– С людьми вашего положения, миссис Мердок, я вполне могу обойтись и без аванса.

– Мистер Марлоу, – сказала она, – я женщина решительная, но не советую идти у меня на поводу. Какой мне тогда от вас прок?

Я спорить не стал.

Она вдруг засмеялась и рыгнула. Очаровательная легкая отрыжка, совершенно естественная и непринужденная.

– Астма, – небрежно пояснила она. – Портвейн для меня лекарство. Потому вам и не предлагаю.

Я закинул ногу на ногу. Ее астме, надо надеяться, такая поза не повредит.

– Деньги, – сказала она, – не самое главное. Женщина в моем положении всегда переплачивает, я уже давно смирилась с этим. Остается надеяться, что вы свой гонорар отработаете. Так вот. У меня украли одну вещь, которая представляет значительную ценность. Я хочу вернуть эту вещь, и, больше того, я не хочу никаких арестов. Дело в том, что вор является членом моей семьи.

Покрутила бокал в толстых пальцах и загадочно улыбнулся в тусклом свете темной комнаты.

– Я подозреваю невестку, – пояснила миссис Мердок. – Она – прелестное создание, но – орешек весьма крепкий.

Взглянула на меня с неожиданным блеском в глазах.

– Сын у меня совершенный болван, но я к нему очень привязана. Примерно год назад он, как последний идиот, женился без моего согласия. С его стороны это было глупо, потому что он абсолютно не в состоянии содержать семью и у него нет денег, кроме тех, что даю ему я, а я человек не широкий. Девушка, которую он выбрал, вернее, которая выбрала его, – певичка из ночного клуба. Зовут ее Линда Конквест – очень подходящее имечко². Они жили здесь, в этом доме. Мы не ссорились, потому что я не допускаю, чтобы со мной ссорились в моем собственном доме, но отношения у нас не сложились. Я оплачивала их расходы, подарила каждому по машине, давала невестке кое-какие деньги на тряпки и прочее. Ей явно надоела такая жизнь. Ей явно надоел мой сын. Он и мне надоел. Так или иначе, с неделю назад она ни с того ни с сего уехала, не оставив адреса и не попрощавшись.

Закашлялась, пошарила в поисках платка и высморкалась.

– Пропала монета, – продолжала она. – Редкая золотая монета, называется «дублон Бре-шера». Гордость коллекции моего мужа. Я-то к монетам совершенно равнодушна, а он был на них помешан. С тех пор как он умер четыре года назад, я храню его коллекцию в полной неприкосновенности. Она находится наверху, в запертой комнате, в нескольких несгораемых шкафах. Коллекция застрахована, но я еще не заявила о пропаже. Мне бы очень не хотелось предавать дело огласке. Монету взяла Линда, я в этом совершенно уверена. Говорят, она стоит больше десяти тысяч долларов. Редкий экземпляр.

– Но ее не просто продать, – вставил я.

– Возможно. Не знаю. Пропажу я обнаружила только вчера. Впрочем, если бы из Лос-Анджелеса не позвонил некто Морнингстар, я и вчера бы не хватилась, так как никогда даже близко не подхожу к той комнате. Этот Морнингстар назвался перекупщиком монет и спросил,

² Conquest (англ.) – завоевание.

действительно ли продается, как он выразился, «Брешер» Мердока. С ним говорил мой сын. Он сказал ему, что монета никогда не продавалась и вряд ли продается теперь, но если мистер Морнингстар позвонит в другое время, он сможет все выяснить у меня. В тот момент я отдыхала и к телефону не подходила. Морнингстар обещал перезвонить. Сын передал этот разговор мисс Дэвис, а та – мне. Я велела ей связаться с перекупщиком. Просто так, из любопытства.

Она отпила из бокала, пошарила в поисках носового платка и хрюкнула.

– А почему вам стало любопытно, миссис Мердок? – спросил я, просто чтобы что-то спросить.

– Будь Морнингстар настоящим специалистом, он бы знал, что эта монета не продается. В завещании моего мужа, Джаспера Мердока, особо оговорено, что, пока я жива, ни одну монету из его коллекции нельзя продавать, давать займы или закладывать. А также выносить из дома – за исключением тех случаев, когда опасность, угрожающая дому, требует выноса коллекции, – да и то в присутствии доверенных лиц. Мой муж, – она мрачно улыбнулась, – судя по всему, считал, что при его жизни я недостаточно интересовалась его металлическими кружочками.

За окном светило солнце, цвели цветы, пели птицы. Слышно было, как по улице мимо дома скользят машины. А в темной комнате, где сидела женщина с боксерской челюстью и пахло портвейном, все казалось каким-то ненастоящим. Я качал ногой и ждал.

– Я говорила с мистером Морнингстаром. Полное имя – Элиша Морнингстар, его контора находится в Белфонт-билдинг на Девятой улице, в центре Лос-Анджелеса. Объяснила ему, что коллекция Мердока не продается, никогда не продавалась и – пока я жива – продаваться не будет, и выразила удивление, что он этого не знает. В ответ он что-то промямлил, а потом спросил, можно ли посмотреть монету. Я сказала: конечно нет. Он довольно сухо извинился и повесил трубку. Судя по голосу, он немолод. Тогда я пошла наверх посмотреть монету сама, чего я за последний год не делала ни разу. Но в запертом несгораемом шкафу монеты не оказалось.

Я промолчал. Она опять наполнила бокал и забарабанила толстыми пальцами по подлокотнику шезлонга,

– Можете себе представить, что мне пришло на ум в тот момент.

– Очевидно, звонок мистера Морнингстара. Кто-то предложил ему купить монету, а он знал либо догадывался, откуда она. Ведь монета как-никак антикварная.

– Такая монета – большая редкость. Да, вы правы. И я рассудила точно так же.

– Кто ее мог украсть? – спросил я.

– Любой из живущих в доме, причем без особого труда. Ключи у меня в сумке, а сумка валяется где попало. Ничего не стоило забрать ключи, открыть комнату и шкаф, а потом подложить их обратно. Постороннему сделать это нелегко, а из домашних монету мог украсть кто угодно.

– Понятно. Скажите, пожалуйста, миссис Мердок, как вы установили, что монету взяла именно невестка?

– Видите ли... вообще-то, улики у меня нет. Но я в этом убеждена. Три женщины из прислуги в доме уже очень давно, гораздо раньше, чем я вышла замуж за мистера Мердока, ведь это было всего семь лет назад. Садовник никогда в дом не заходит. Шофера я не держу: меня возят либо сын, либо секретарша. Сын монету не брал, во-первых, потому что он все-таки не настолько глуп, чтобы красть у собственной матери, а во-вторых, возьми он ее, ему ничего не стоило бы помешать моему разговору с Морнингстаром. Мисс Дэвис? Исключается! Не тот человек. Тихоня. Стало быть, Линда. Такие, как она, могут сделать это просто назло, я уже не говорю обо всем остальном. Сами знаете, что за народ в ночных клубах.

– Разный народ – как и везде, – отозвался я. – Значит, на взломщика не похоже? Нет, вряд ли, ведь только профессионал может незаметно выкрасть одну ценную монету. И все же, может быть, есть смысл осмотреть комнату?

Она выставила челюсть, жилы на шее вздулись как канаты.

– Я же сказала вам, мистер Марлоу, что дублон Брешера взяла моя невестка, миссис Лесли Мердок.

Я уставился на нее, а она – на меня. Взгляд у нее был тяжелый, как кирпичи на дорожке ее сада. Я отвел глаза и сказал:

– Предположим, так оно и есть, но что вы тогда хотите?

– Во-первых, монету. Во-вторых, развод для сына. И платить я ей по разводу не собираюсь. Полагаю, вы с этой процедурой знакомы.

Допила очередную порцию портвейна и грубо рассмеялась.

– Понаслышке, – сказал я. – Так, говорите, ваша невестка не оставила своего нового адреса. И вы понятия не имеете, куда она делась?

– Именно.

– Бесследно исчезла? Может, ваш сын что-то знает и не говорит вам. Надо будет повидать его.

Грубые черты ее большого серого лица огрубелись еще больше.

– Мой сын ничего не знает. Не знает даже, что украден дублон. И хорошо, что не знает. Со временем дойдет очередь и до него. А пока оставим его в покое. Он сделает абсолютно все, что я захочу.

– Он не всегда был таким покладистым.

– Его брак, – с раздражением сказала она, – был результатом минутного увлечения. В дальнейшем он старался вести себя как джентльмен. На этот счет у меня нет сомнений.

– В Калифорнии, миссис Мердок, не бывает минутных увлечений.

– Молодой человек, вы хотите работать на меня или нет?

– Хочу, если от меня не будут ничего скрывать и дадут вести дело так, как я сочту нужным. И не хочу, если вы будете придумывать бесконечные правила и оговорки, которые только мешают и сбивают с толку.

– Это деликатное семейное дело, мистер Марлоу, – хрипло рассмеялась она, – и его надо вести с тактом.

– Если вы меня нанимаете, то можете рассчитывать на мой такт. Если же вы считаете, что я недостаточно тактичен, то, может, лучше вообще меня не нанимать? Вы ведь, насколько я понимаю, не хотите засадить вашу невестку за решетку? Простите за нетактичный вопрос.

Она побагровела и разинула пасть, собираясь завопить. Потом передумала, подняла бокал с портвейном и приняла очередную дозу своего «лекарства».

– Вы мне подходите, – сухо сказала она. – Жаль, что мы не встретились два года назад, до того как он на ней женился.

Я не вполне понял, что она хотела этим сказать, но вникать не стал. Она наклонилась, нащупала кнопку селектора и что-то прорычала в трубку.

Послышались шаги, и, опустив подбородок, словно опасаясь удара в челюсть, в комнату вбежала маленькая блондинка.

– Выпишите этому человеку чек на двести пятьдесят долларов, – рявкнула ей старая ведьма. – И помалкивайте об этом.

Девушка покраснела до корней волос.

– Вы же знаете, миссис Мердок, я никогда не говорю о ваших делах, – заблелась она. – Никогда. Чтобы я когда-нибудь...

Опустила голову, повернулась и выбежала из комнаты. Когда она закрывала дверь, я посмотрел на нее. Губы дрожат, но в глазах бешенство.

– Мне понадобится фотография вашей невестки и кое-какие сведения о ней, – сказал я, когда дверь опять закрылась.

– Посмотрите в ящике стола. – Миссис Мердок повела рукой, и на ее толстом сером указательном пальце в полумраке вспыхнули кольца.

Я подошел к плетеному письменному столу, выдвинул единственный ящик и достал фотографию, которая в гордом одиночестве лежала на дне и смотрела на меня холодными темными глазами. Держа фотографию в руках, я опять сел и принялся ее разглядывать. Над крупным лбом темные распущенные волосы с нечетким пробором посередине. Широкий, невозмутимый наглый рот с вполне аппетитными губками. Правильной формы нос – не большой и не маленький. Довольно красивые черты лица. Чего-то этому лицу не хватало. Раньше бы сказали – породы, а теперь – даже не знаю, чего именно. Для ее возраста оно выглядело чересчур разумным и осмотрительным. Слишком многие зарились на это лицо, вот оно и стало таким насто-роженным. Но за насто-роженностью проглядывало простодушие маленькой девочки, которая до сих пор верит в Деда Мороза.

Я покачал головой и сунул карточку в карман, решив, что она не стоит таких умственных усилий, тем более в темноте.

Дверь открылась, вошла маленькая блондинка в полотняном платье с объемистой чекочкой книжкой и авторучкой и, подложив руку под книжку, дала миссис Мердок подписать чек. Потом, напряженно улыбаясь, выпрямилась, миссис Мердок резким движением указала ей на меня, и девушка, оторвав чек, вручила его мне. Порхнула к двери и выжидательно застыла. Поскольку дальнейших указаний не последовало, она опять бесшумно вышла и прикрыла за собой дверь.

Я помахал чеком, чтобы высохли чернила, сложил его и сжал в руке.

– Что вы можете рассказать мне про Линду?

– Пожалуй, ничего. Прежде чем выйти замуж за сына, она снимала квартиру вместе с одной актриской, Лоис Мэджик – то еще имечко³. Они работали в ночном клубе «Веселая долина», по шоссе за бульваром Вентура. Мой сын Лесли отлично знает это местечко. О семье Линды и ее происхождении мне ничего не известно. Как-то она обмолвилась, что родилась в Суксфоллсе. Надо думать, у нее были родители. Я не выясняла – не все ли мне равно.

Как же, не выясняла она! Я представил себе, как старуха с остервенением копается в родословной невестки, словно ищет глубоко зарытый клад.

– Вы не знаете адреса мисс Мэджик?

– Нет. И никогда не знала.

– Может, ваш сын знает? Или мисс Дэвис?

– Спрошу сына, когда он зайдет. Но только вряд ли он в курсе. Мисс Дэвис можете спросить сами. Она-то и подавно не знает.

– Ясно. С другими друзьями Линды вы не знакомы?

– Нет.

– Миссис Мердок, может быть, все-таки ваш сын поддерживает с ней связь – а от вас скрывает?

Опять побагровела. Я поднял руку и изобразил на лице кроткую улыбку.

– В конце концов, они прожили вместе целый год. Что-то же о ней он должен знать.

– Вы моего сына сюда не путайте, – рявкнула она.

Я пожал плечами и разочарованно хмыкнул:

– Очень хорошо. Она, вероятно, уехала на машине. На той самой, которую вы ей подарили? Что это за машина?

³ Magic (англ.) – волшебство.

– Двухместный «меркьюри» мышиного цвета, модель сорокового года. Если нужно, мисс Дэвис даст вам номер машины. Не знаю, забрала она ее или нет.

– Вы, случайно, не знаете, сколько у нее могло быть с собой денег, какие туалеты, драгоценности?

– Денег немного. Самое большее несколько сот долларов. – Ее нос и рот скривились в сальной ухмылке. – Если, конечно, у нее не завелся новый дружок.

– Конечно, – поддакнул я. – А драгоценности?

– Не слишком ценное кольцо с изумрудом и бриллиантом, платиновые часы «Лонжин» с рубинами, очень красивое янтарное дымчатое ожерелье, которое я по глупости сама ей подарила. У него алмазный фермуар с двадцатью шестью мелкими камнями в форме бубновой масти. Есть, разумеется, и другие вещи. Я в это никогда особенно не вникала. Линда любила тряпки, но одевалась не броско. И на том спасибо!

Наполнила бокал, отпила из него и опять непринужденно рыгнула.

– Вам больше нечего рассказать мне, миссис Мердок?

– Вам мало?

– Маловато. Что ж, придется пока довольствоваться тем, что есть. Если окажется, что она не брала монеты, то на этом моя миссия заканчивается, верно?

– Посмотрим, – отрезала она. – Монету украла Линда, больше некому. И мириться я с этим не собираюсь. Зарубите это себе на носу, молодой человек. Надеюсь, на деле вы окажетесь таким же лихим, как и на словах: у этих девиц из ночных клубов бывают очень опасные друзья.

Сложенный чек я по-прежнему держал за уголок в опущенной руке. Достал бумажник, убрал чек и встал, подобрав с пола шляпу.

– Ну и что, – сказал я. – Чем они опаснее, тем глупее. Дам вам знать, если будет о чем, миссис Мердок. Думаю для начала заняться перекупщиком. Похоже, он того стоит.

Когда я был уже в дверях, она прорычала мне в спину:

– Я вам не очень понравилась, да?

Взявшись за ручку двери, я ухмыльнулся через плечо:

– Странно, правда?

Она откинула голову, широко разинула рот и захохотала. Под ее хохот я открыл дверь, вышел и прихлопнул дверью грубые мужеподобные раскаты. Затем вернулся по коридору, постучал в приоткрытую дверь, распахнул ее и заглянул в комнату секретарши.

Сидит у себя за столом, опустив голову на сложенные руки, и рыдает. Покрутила головой и подняла на меня воспаленные от слез глаза. Я закрыл дверь, подошел к ней и положил руку на ее худенькие плечи.

– Не расстраивайтесь, – сказал я. – Ее ведь тоже надо понять. Возомнила себя хозяйкой жизни и изо всех сил старается не выйти из роли.

Девушка резко выпрямилась, высвобождаясь из-под моей руки.

– Не прикасайтесь ко мне, – задыхаясь, сказала она. – Очень вас прошу. Я не разрешаю мужчинам к себе прикасаться. И не говорите гадости про миссис Мердок.

Лицо розовое, мокрое от слез. Очень красивые глаза – без очков.

Я сунул в рот давно зажавшуюся сигарету и закурил.

– Простите, что сорвалась, – всхлипнула девушка, – но она меня так унижает. Я же стараюсь как лучше.

Еще что-то пробормотала, потом достала из ящика стола мужской носовой платок, встряхнула его и вытерла слезы. На свисающем уголке платка я увидел вышитые красными нитками инициалы «Л. М.». Уставился на них и выпустил дым в сторону, подальше от ее волос.

– Вы что-то хотели? – спросила блондинка.

– Номер машины миссис Лесли Мердок.

– Два-икс-одиннадцать-одиннадцать, серого цвета «меркьюри» с откидным верхом, модель сорокового года.

– Но миссис Мердок говорила про какой-то другой, двухместный.

– Это машина мистера Лесли. Они одной марки, года и цвета. Ее Линда не брала.

– Ясно. Что вы знаете о мисс Лоис Мэджик?

– Я видела ее всего один раз. В свое время они вместе с Линдой снимали квартиру. Она приходила сюда с мистером... мистером Венниером.

– Кто это?

Она уставилась в стол.

– Я... он приходил с ней. Его я не знаю.

– Допустим. А как выглядит мисс Лоис Мэджик?

– Высокая красивая блондинка. Очень... очень интересная.

– Сексапильная, что ли?

– Да... – девушка ужасно покраснела, – но вполне приличная, хорошо держится, понимаете?

– Понимаю, но от этого мне не легче.

– Охотно верю, – съязвила она.

– Где живет мисс Мэджик, знаете?

Блондинка отрицательно покачала головой, тщательно сложила носовой платок и убрала его в ящик стола, тот самый, где был пистолет.

– Можете стянуть другой, когда этот испачкается, – сказал я.

Она откинулась на стуле, сложила маленькие изящные ручки на столе и пристально посмотрела на меня:

– Советовала бы вам, мистер Марлоу, держать свое хамство при себе. Со мной по крайней мере.

– Спасибо за совет.

– Пожалуйста. И я не стану больше отвечать на ваши вопросы без специальных указаний. Мне это категорически запрещено.

– Я не хам. Просто сильный мужчина.

Она взяла карандаш и черкнула им в блокноте. Потом, успокоившись, слабо мне улыбнулась:

– А может, я не люблю сильных мужчин?

– Первый раз вижу такую чудачку. До свидания.

Я вышел, плотно закрыл за собой дверь и направился к выходу пустыми коридорами, через большую, безмолвную, мрачную, траурную комнату.

Солнце резвилось на разогретой лужайке. Я надел темные очки, подошел к негритенку и опять потрепал его по голове.

– Хуже некуда, брат, – доверительно сообщил я ему.

Каменные ступеньки жгли ноги через подошвы. Я сел в машину, включил мотор и отъехал от тротуара.

Стоявший за мной небольшой двухместный автомобиль песочного цвета тоже отъехал от тротуара. Я не придавал этому никакого значения. Водитель был в темной соломенной шляпе с загнутыми полями и пестрой ситцевой лентой. В темных очках, как и я.

Проехав несколько кварталов в сторону города и остановившись у светофора, я увидел, что двухместный автомобиль песочного цвета по-прежнему держится за мной. Тогда я решил – смея ради – покружить между домами. Двухместный не отставал. Тогда я свернул на улицу, обсаженную огромными пальмами, резко развернулся и встал у тротуара.

Двухместный медленно проехал мимо. Светловолосая голова под шоколадной соломенной шляпой с ситцевой лентой даже не повернулась в мою сторону. Машина проплыла, а я

поехал в Арройо-Секо и дальше, в Голливуд. Дорогой я несколько раз внимательно смотрел назад, но двухместного больше не было.

3

Моя контора размещалась в двух небольших комнатах окнами во двор, на седьмом этаже Кауэнга-билдинг. Первую, приемную, я держал незапертой для своих «пациентов», если, конечно, таковые были. На двери кабинета висел звонок, который я мог включать и отключать, не вставая из-за стола, чтобы не отвлекаться от своих гениальных мыслей.

Я заглянул в приемную. Ничего, кроме пыли. Открыл окно, отпер вторую дверь и вошел в заднюю комнату – кабинет. Три жестких стула и вращающееся кресло, узкий письменный стол под стеклом, пять зеленых шкафов с картотекой, из них три пустых; на стене календарь и лицензия частного детектива в рамке; телефон, умывальник в крашеном деревянном стенном шкафу, вешалка, ковер – чем-то же надо было прикрыть пол – и два открытых окна с чистенькими занавесками, которые собирались в складки и расправлялись, точно губы беззубого старика во сне.

Та же самая обстановка, что и в прошлом году. И в позапрошлом. Некрасиво, уныло – но все лучше, чем навес на пляже.

Я повесил шляпу и пальто на вешалку, вымыл лицо и руки холодной водой, закурил и взвалил на стол телефонную книгу. Элиша Морнингстар значился по адресу: Белфонт-билдинг, 824, Западная Девятая улица, 422. Я переписал адрес и прилагавшийся к нему телефон и уже хотел было набрать номер, как вспомнил, что не включил звонок в приемной. Потянулся на край стола, включил его – и очень вовремя. Кто-то только что открыл дверь в первую комнату.

Я перевернул блокнот обложкой вверх и пошел посмотреть, кто это. Это был стройный, высокий, самодовольный на вид субъект в летнем шерстяном костюме стального цвета, в черно-белых туфлях, в светлой матовой рубашке с галстуком и с темно-красным носовым платком в нагрудном кармане. В руке, обтянутой белой перчаткой из свиной кожи, он держал длинный черный мундштук и, морщась, смотрел на старые журналы, валявшиеся на столе и стульях, на стертый пол – на все, что деньгами и не пахло.

Когда я открыл дверь в кабинет, он повернулся вполоборота и устремил на меня взгляд довольно задумчивых, близко посаженных светло-голубых глаз. Нос тонкий, лицо загорелое, на узком черепе зачесанные назад рыжеватые волосы и узкая полоска усов, гораздо более рыжих, чем волосы.

Оглядел он меня без спешки и без особого удовольствия. Тактично выпустил изо рта тонкую струйку дыма и сказал с едва заметной усмешкой:

– Вы Марлоу?

Я кивнул.

– Я, признаться, несколько разочарован, – сказал он. – Ожидал увидеть что-нибудь эдакое, с грязными ногтями.

– Заходите, – сказал я. – Остричь можете и сидя.

Я придержал дверь, и он прошел мимо меня, стряхивая пепел на пол ногтем среднего пальца свободной руки. Подсел к столу, стянул с правой руки перчатку и положил ее на стол вместе с другой, уже снятой. Выбил окурочек из длинного черного мундштука, потыкал его спичкой, пока не погасил, вставил в мундштук другую сигарету и, прикурив ее от толстой темно-красной спички, откинулся на спинку стула с улыбкой утомленного аристократа.

– Все в порядке? – осведомился я. – Пульс и дыхание нормальные? Влажное полотенце на голову не желаете?

Он не скривил губы только потому, что сделал это раньше, еще когда вошел.

– Частный детектив, – процедил он. – Первый раз вижу.хлопотное, надо полагать, дело: в замочную скважину подглядывать. Грязное белье ворошить и все прочее.

– Вы ко мне по делу пришли? – спросил я. – Или языком болтать?

Он состроил кислую мину, словно графиня на балу у пожарника.

– Меня зовут Мердок. Надеюсь, мое имя вам что-нибудь говорит?

– Не заставили себя ждать, – заметил я и начал набивать трубку.

Мердок внимательно следил за мной.

– Насколько я понимаю, – медленно проговорил он, – вас наняла моя мать. Она дала вам чек.

Я набил трубку, зажег ее, раскурил и, откинувшись назад, выпустил дым через правое плечо в открытое окно. И ничего не ответил.

Он еще сильнее подался вперед и серьезно сказал:

– Я понимаю, скрытность – ваша профессиональная черта, но я не гадаю. Сорока на хвосте принесла. Видавшая виды сорока – вроде меня. Так что я знаю не меньше вашего. Теперь ясно?

– Допустим. И что дальше?

– Вас наняли найти мою жену, верно?

Я фыркнул и усмехнулся.

– Марлоу, – сказал он еще серьезнее, – мне очень жаль, но, боюсь, мы не поладим.

– Я этого не перенесу.

– Простите, но вы ведете себя как последний хам.

– А вы как первый.

Он опять откинулся назад, не спуская с меня бесцветных глаз. Поерзал, пытаясь сесть поудобнее. Сколько народу безуспешно пыталось устроиться на этом стуле. Надо будет как-нибудь самому попробовать. Может быть, я теряю из-за него клиентов.

– Не понимаю, зачем матери искать Линду? – медленно спросил он. – Она ее на дух не переносит. Мать – Линду, я имею в виду. Как раз Линда к матери относилась нормально. Что вы о ней скажете?

– О вашей матери?

– О ком же еще? Ведь с Линдой вы незнакомы, не так ли?

– Секретарша вашей матери сильно рискует потерять работу. Болтает лишнее.

– Мать ничего не узнает, – возразил он, покачивая головой. – Ей все равно без Мерл не обойтись. Надо же на ком-то отводить душу. Она может накричать на нее, даже дать ей пощечину, но обойтись без нее не в состоянии. Что вы о ней думаете?

– На любителя.

Он нахмурился:

– Я про мать спрашиваю. При чем тут Мерл – девушка как девушка, довольно недалекая.

– Вы на редкость наблюдательны.

Он так удивился, что чуть не забыл стряхнуть ногтем пепел. Но не настолько, чтобы попасть в пепельницу.

– Так что мать? – терпеливо спросил он.

– Отличная старая полковая лошадь. Сердце из чистого золота, вот только до него не докопаться.

– Но зачем ей искать Линду? Не могу понять. Да еще нанимать детектива. Мать ненавидит тратить деньги. Это у нее в крови. Зачем ей понадобилась Линда?

– Понятия не имею. А с чего вы взяли?

– Я вас так понял. И Мерл...

– Мерл – фантазерка. Это ей померещилось. Черт побери, она сморкается в мужской носовой платок. Уж не в ваш ли?

Он покраснел:

– Глупости. Послушайте, Марлоу, пожалуйста, не упрямитесь, расскажите, как обстоит дело. Много я вам дать, к сожалению, не могу, но пару сотен...

– Не злите меня. И вообще, я не имею права говорить с вами. Приказ.

– Но почему же?

– Не задавайте вопросов, на которые у меня нет ответов. И не задавайте вопросов, на которые у меня есть ответы. Я все равно ничего не скажу. Вы что, с луны свалились? Неужели вы думаете, что человек моей профессии станет говорить о своей работе с первым встречным?

– Если человек вашей профессии, – злобно сказал он, – отказывается от двухсот долларов, значит творится что-то неладное.

Я и это пропустил мимо ушей. Взял из пепельницы толстую красную спичку и подвес к глазам. Тонкие желтые грани, белая этикетка с надписью: «Розмонт. Х. Ричардс З...» – остальное обгорело. Я переломил спичку пополам, соединил концы и швырнул ее в мусорную корзину.

– Я люблю свою жену, – неожиданно сказал он, обнажив белые крепкие зубы. – Звучит пошло, но это так.

– Они жили счастливо и умерли в один день.

– А вот она меня не любит, – процедил он сквозь зубы. – И неудивительно. В последнее время мы не ладили. Она привыкла к веселой жизни. А у нас... у нас ей было скучно. Мы не ссорились. Линда умеет держать себя в руках. Но от такого мужа, как я, радости мало.

– Не скромничайте.

Его глаза заблестели, но он сдержался.

– Я нехорош собой. Немолод. Послушайте, Марлоу, вы как будто человек приличный. Я знаю, мать не станет просто так выбрасывать на ветер двести пятьдесят долларов. Может, дело не в Линде. Может, тут что-то еще. Может... – Он запнулся, а потом, смотря мне прямо в глаза, медленно произнес: – Может быть, дело в Морни.

– Очень может быть, – оживился я.

Он поднял перчатки, ударил ими по столу и положил их опять.

– Тут я действительно свалил дурака, – сказал он. – Но я не мог предположить, что она узнает об этом. Очевидно, Морни звонил ей. А ведь обещал не говорить.

Все ясно.

– И сколько же вы ему должны? – спросил я.

Ясно, да не совсем. Он опять заподозрил что-то неладное.

– Возможно, он звонил и все ей рассказал. Он – ей, а она – вам, – неуверенно произнес он.

– Тогда, может быть, дело не в Морни. – Мне вдруг очень захотелось выпить. – Мало ли.

Но если все-таки дело в Морни, сколько вы ему должны?

– Двенадцать тысяч, – ответил он, опустив глаза и покраснев.

– Угрожает?

Он кивнул.

– Скажите ему, чтобы шел лесом, – сказал я. – Что он собой представляет? Опасен?

Он опять поднял голову. И с решительным видом сказал:

– Думаю, да. Все они одинаковы. В свое время играл злодеев в кино. Смазливый. Из породы соблазнитель. Но не подумайте ничего такого. Просто Линда работала у него в клубе, как работают официанты или оркестр. Если вы ищете Линду, найти ее будет непросто.

Я вежливо хмыкнул:

– Можно узнать почему? Надеюсь, ее не закопали в саду?

Мердок вскочил, его бесцветные глаза вспыхнули гневом. Облокотившись на стол, он довольно плавно взмахнул правой рукой и извлек небольшой автоматический пистолет двадцать пятого калибра с рукояткой из орехового дерева. Родной брат того, который я обнаружил в столе у Мерл. Его дуло грозно уставилось на меня. Я не пошевелился.

– Тот, кто обидит Линду, будет иметь дело со мной, – пригрозил он.

– Нашли чем испугать. Вы бы лучше настоящим пистолетом обзавелись, а то из этой игрушки только по мухам стрелять.

Он спрятал пистолетик во внутренний карман, пристально посмотрел на меня, взял со стола перчатки и направился к двери.

– Бесполезно с вами говорить, – сказал он. – Только и знаете, что острите.

– Минуточку, – сказал я, встал и обошел вокруг стола. – Вам, пожалуй, не стоит рассказывать матери о нашей встрече – хотя бы ради маленькой секретарши.

Он кивнул.

– Было бы что рассказывать.

– Разве что о двенадцати тысячах, которые вы должны Морни?

Он опустил глаза, поднял их, опять опустил.

– Неужели вы поверили, что я должен Алексу? Он бы мне в жизни не дал взаймы.

Я подошел к нему вплотную.

– Между прочим, – заметил я, – что-то непохоже, чтоб вы очень волновались за свою жену. По-моему, вы знаете, где она. Линда убежала вовсе не от вас. Она убежала от вашей матери.

Он поднял на меня глаза и натянул одну перчатку. Молча.

– Возможно, она найдет работу, – продолжал я, – и будет вас содержать.

Он опять уставился в пол, немного подался вправо, и кулак в перчатке описал в воздухе резкую дугу снизу вверх. Я увернулся, схватил его за запястье и, надавив, медленно отвел кулак к груди. Нога его поехала назад, и он тяжело засопел. Запястье тонкое, как у девушки. Мои пальцы обхватили его и сомкнулись.

Так мы и стояли, уставившись друг на друга. Дышит, как пьяный, раскрыв рот и растянув губы. На щеках красные пятна. Попытался вырваться, но я так давил на него, что ему пришлось, чтобы не упасть, сделать шаг назад. Теперь наши лица почти соприкасались.

– Что ж твой папаша не оставил тебе ни гроша? – хмыкнул я. – Или все спустил?

Он заговорил сквозь зубы, все еще пытаясь вырваться:

– Если уж вы суетесь не в свое дело и если имеете в виду Джаспера Мердока, так это не мой отец. Он меня терпеть не мог и не оставил мне ни цента. Мой отец, Хорас Брайт, разорился и выбросился из окна.

– Слов много, а толку мало, – сказал я. – Простите. Я просто хотел позлить вас, когда говорил, что вас будет содержать жена.

Я отпустил его запястье и сделал шаг назад. Дышит по-прежнему тяжело, напряженно. В глазах злоба, но голос ровный:

– Ну вот, теперь вы все знаете. Если вы удовлетворены, я пойду.

– Скажите спасибо, что так легко отделались. Если носите оружие, держите себя в руках. Лучше не носите.

– Это мое дело. Простите, что хотел вас ударить. Впрочем, если б и ударил, было бы, вероятно, не очень больно.

– Кто старое помянет...

Он открыл дверь и вышел. Шаги удалялись по коридору. Еще один зануда. В такт его шагам я постукивал по зубам костяшками пальцев. Потом вернулся к столу, заглянул в блокнот и поднял телефонную трубку.

4

Только на третий гудок сквозь шум и треск в трубке послышался тоненький женский голосок:

- Доброе утро. Контора мистера Морнингстара.
- Мистер Морнингстар у себя?
- А кто говорит, простите?
- Марлоу.
- Мистер Морнингстар знает вас, мистер Марлоу?
- Спросите, не интересуют ли его старые американские золотые монеты?
- Одну минуту, пожалуйста.

Последовала пауза, достаточная, чтобы сообщить сидящему в кабинете пожилому джентльмену, что его вызывают к телефону. Затем в трубке раздался щелчок, и я услышал сухой мужской голос. Чтобы не сказать – засушенный.

- Морнингстар слушает.
- Мистер Морнингстар, насколько мне известно, вы звонили миссис Мердок в Пасадену.

По поводу одной монеты.

- По поводу одной монеты, – повторил он. – Вот как. И что же?
- Как я понял, вы хотели приобрести монету из коллекции Мердока.
- Вот как? А с кем я говорю, сэр?
- Филипп Марлоу. Частный детектив. Работаю на миссис Мердок.
- Вот как, – сказал он в третий раз. Тщательно прочистил горло. – А о чем, собственно, вы хотите поговорить со мной, мистер Марлоу?
- Об этой монете.
- Но мне дали понять, что она не продается.
- И все же я хотел бы поговорить о ней с вами. И не по телефону.
- Вы хотите сказать, что миссис Мердок передумала?
- Нет.
- В таком случае я не совсем понимаю, что вам угодно, мистер Марлоу? О чем нам говорить? – Сейчас он явно хитрил.
- Дело в том, мистер Морнингстар, – сказал я, небрежно выложив свой главный козырь, – что когда вы звонили, то уже знали, что монета не продается.
- Любопытно, – медленно проговорил он. – Каким же образом?
- Вы этим занимаетесь и не могли не знать. Существует официальный документ, согласно которому коллекция Мердока не может быть продана при жизни миссис Мердок.
- А-а, – сказал он. – А-а. – Последовала пауза. – В три часа, – поспешно проговорил он. – Жду вас у себя. Вероятно, вам известен мой адрес. Время вас устраивает?
- Вполне.

Я опять закурил трубку и уставился на стену. Не знаю, задумался я или нет, но скулы у меня свело. Вынул из кармана фотографию Линды Мердок, некоторое время изучая ее, решил, что лицо, в общем-то, самое заурядное, и запер фотографию в стол. Извлек из пепельницы еще одну спичку Мердока и осмотрел ее. На этой значилось: «Верхний ряд У. Д. Райт, 36».

Бросил ее обратно в пепельницу, пытаясь сообразить, что меня так заинтересовало. Может, это и был ключ?

Вынул из бумажника чек миссис Мердок, перевел его на себя, выписал кредитную квитанцию и чек на оплату, достал из ящика стола банковскую книжку, все это перетянул резинкой и сунул в карман.

В телефонной книге имени Лоис Мэджик не было. Выписал по тематическому указателю номера нескольких самых крупных, судя по шрифту, театральных объединений и позвонил туда. Со мной беседовали громкими, веселыми голосами, засыпали вопросами, но про эстрадную актрису по имени Лоис Мэджик либо ничего не знали, либо не желали говорить.

Швырнул список в корзину и позвонил Кенни Хейсту, репортеру из уголовного отдела «Кроникл».

– Что ты знаешь про Алекса Морни? – спросил я его, когда мы вдоволь нашутились.

– Содержит шикарный ночной клуб и игорный дом в Веселой долине, милях в двух от шоссе, в сторону гор. Когда-то снимался в кино. Актер никудышный. Вроде бы с большими связями. Никогда не слышал, чтобы он пристрелил кого-нибудь на городской площади среди бела дня. Или в любое другое время суток. Но ручаться не берусь.

– Темными делишками промышляет?

– Не исключено. Все эти ребята из кино отлично знают, как должны вести себя заправилы ночных притонов. Есть у него телохранитель – весьма живописный персонаж. Зовут Эдди Прю, огромного роста, тощий, как кошелек честного человека. Крив на один глаз – с войны.

– Для женщин Морни представляет опасность?

– Не будь ханжой, старина. Женщины относятся к этому иначе.

– Ты знаешь девушку по имени Лоис Мэджик? Я слышал, она эстрадная актриса. Высокая роскошная блондинка.

– Не знаю. А жаль.

– Не валяй дурака. А имя Венниер тебе что-нибудь говорит? Его тоже нет в телефонной книге.

– Первый раз слышу. Но если перезвонишь попозже, могу справиться у Гerti Эрбогаста. Он знает всю эту публику. Как свои пять пальцев.

– Спасибо, Кенни. Так и сделаем. Позвоню через полчаса, договорились?

Кенни это вполне устраивало, и я положил трубку. Запер контору и вышел.

В конце коридора, прислонясь к стене и читая вечернюю газету, стоял довольно молодой блондин в коричневом костюме и соломенной шляпе шоколадного цвета с желто-коричневой ситцевой лентой. Когда я поравнялся с ним, он зевнул, сунул газету под мышку и выпрямился.

Вошел вместе со мной в лифт. Глаза полузакрыты – так он устал. Я вышел на улицу, прошел квартал до банка, чтобы депонировать чек и взять немного наличных денег на расходы. Оттуда отправился в бар «Тайгертейл Лаундж» и, сев за низкой загородкой, заказал бокал мартини и сэндвич. Коричневый костюм расположился у входа. Вид утомленный, пьет кока-колу и столбиком складывает на столе монетки, тщательно выравнивая края. На глазах опять темные очки. Человек-невидимка – не иначе.

Я не торопясь доел сэндвич и пошел вглубь бара к телефонной будке. Коричневый костюм быстро повернул голову, а потом, спохватившись, поднял стакан. Я опять набрал номер редакции «Кроникл».

– Значит, так, – сказал Кенни Хейст. – Гerti Эрбогаст говорит, что не так давно Морни женился на этой твоей роскошной блондинке. На Лоис Мэджик. Венниера он не знает. Говорит, что Морни купил себе дом под Бель-Эр, белый дом на Стилвуд-Креснт-драйв, в пяти кварталах от Сансета. По словам Гerti, раньше этот дом занимал разорившийся проходимец Артур Блейк Попэм, которого недавно посадили за махинации. Его инициалы до сих пор красуются на воротах. А возможно, как сказал Гerti, и на туалетной бумаге. Такой уж он был человек. Больше ничего узнать не удалось.

– Куда уж больше. Огромное спасибо, Кенни.

Я повесил трубку, вышел из телефонной будки и поймал на себе взгляд блондина в темных очках и в коричневом костюме. Блондин тут же отвернулся.

Через вращающуюся дверь я прошел на кухню, а оттуда – в переулок и переулком вышел сзади к стоянке, где была моя машина.

Блондин остался сидеть в баре, а я выехал со стоянки и взял курс на Бель-Эр.

5

Шоссе Стилвуд-Креснт-драйв плавно поворачивало на север, оставляя далеко в стороне спортивные площадки Бель-эрского загородного клуба. Вдоль дороги тянулись частные владения. Одни были обнесены высокими стенами, другие – низкими либо декоративной железной оградой, а некоторые по старинке обходились высокой живой изгородью. Тротуара не было. Здесь никто не ходил пешком, даже почтальон.

Было жарко, но не так, как в Пасадене. Усыпляюще пахло цветами и солнцем, за стенами и живой изгородью нежно шуршали поливальные машины, с ухоженных, солидных газонов доносился громкий треск газонокосилок.

Я медленно ехал в гору, высматривая надписи на воротах. Его зовут Артур Блейк Попэм. Значит, инициалы А. Б. П. Вот они – выбиты золотыми буквами на черном щитке почти на самом верху раздвинутых ворот, за которыми извивалась крытая черным асфальтом аллея.

Дом ослепительно-белый и, если бы не разросшийся сад, совершенно новый на вид. По здешним понятиям довольно скромный: не больше четырнадцати комнат и, вероятно, всего один бассейн; низкие кирпичные стены, между кирпичами проступает застывший и подкрашенный белой краской бетонный раствор. Под крышей низкая железная балюстрада, выкрашенная в черный цвет. На большом серебряном почтовом ящике, висевшем у служебного входа, красуется надпись: «А. П. Морни».

Я оставил машину на улице и по асфальтовой аллее подошел к свежеевыкрашенной белой боковой двери, по которой разбегались цветные блики от витражного навеса. Сзади, сбоку от дома, шофер мыл «кадиллак».

Дверь открылась, и на меня, презрительно скривившись, мрачно уставился филиппинец в белом пиджаке. Я протянул ему визитную карточку.

– К миссис Морни, – сказал я.

Он закрыл дверь. Придется ждать – дело привычное. От воды, струившейся по «кадиллаку», веяло прохладой. Шофер был коротышкой в бриджах, гетрах и пропотевшей рубашке. Похож на растолстевшего жокея, и так же насвистывает за работой, как конюх, когда тот чистит лошадь.

Колибри с красной шейкой нырнула в кусты возле двери, слегка всколыхнула длинные полые стебли и растаяла в воздухе, как будто ее и не было.

Дверь открылась, филиппинец протянул мне мою визитную карточку. Я не взял ее.

– Что вы хотите?

Жесткий, потрескивающий, как яичная скорлупа, голос.

– Миссис Морни.

– Она нет дома.

– Вы что, этого не знали, когда брали карточку?

Он разжал пальцы, и карточка порхнула к моим ногам.

Ухмыльнулся, продемонстрировав работу дешевого зубного техника.

– Я знаю, когда она мне говорить.

И захлопнул дверь у меня перед носом.

Я подобрал карточку и, обогнув дом, подошел к шоферу, который обдавал «кадиллак» водой из шланга и смывал с него грязь большой губкой. Красные пятна вокруг глаз, челка соломенных волос. К углу нижней губы прилепился потухший окурочок.

Искоса глянул на меня, как человек, который всегда готов вступить в разговор – лишь бы не работать.

– Где хозяин? – спросил я.

Сигарета подпрыгнула во рту. Вода по-прежнему тихо струилась по краске.

- Спроси в доме, приятель.
- Спрашивал. Захлопнули перед носом дверь.
- Очень сочувствую, приятель.
- А миссис Морни дома?
- Не в курсе. Я ведь при гараже. Чем-нибудь торгуешь?

Я показал ему карточку – другую, с моей профессией. Он положил губку на капот, а шланг – на бетон. Переступил через струйку воды, чтобы вытереть руки о полотенце, висевшее на двери гаража. Выудил из кармана штанов спичку, чиркнул ею и, откинув назад голову, прикурил потухший окурок.

Лисьи глазки беспокойно бегают. Зашел за машину и кивнул мне головой. Я последовал за ним.

- Как у нас дела с деньжатами? – спросил он тихим, вкрадчивым голоском.
- Куры не клюют.
- За пятерку я готов начать думать.
- Боюсь, это будет тебе не по силам.
- А за десятку спою, как четыре канарейки под гитару.
- Не люблю хорового пения.
- Кончай хохмить. – Он исподлобья взглянул на меня.
- Не хочу, чтобы ты потерял работу, сынок. Меня интересует только одно: миссис Морни дома? Это стоит больше доллара?

- За меня не беспокойся, приятель. Я – на хорошем счету.
 - У Морни или у кого-нибудь еще?
 - Так я тебе и ответил всего за один доллар.
 - За два.
 - А ты, случаем, не на него работаешь? – Он подозрительно осмотрел меня.
 - Ну.
 - Врешь.
 - Ну.
 - Давай два доллара, – выпалил он.
- Я дал.

– Она в саду за домом, с хахалем, – сказал он. – Хахаль что надо. Главное, чтобы муж работал, а любовник – нет, – и все на мази, понял?

Он подмигнул.

- Смотри, как бы тебя в сточной канаве не утопили.
- Это меня-то? Нет, я не такой дурак. Знаю их как облупленных. Всю жизнь за нос водил.

Потер две долларовых бумажки между ладонями, подул на них, сложил в длину и в ширину и спрятал в кармашек для часов.

- Но это еще цветочки, – сказал он. – Если накинешь пятерку...

Довольно крупный светлый кокер-спаниель бросился к «кадиллаку», слегка поскользнулся на мокром цементе, легко взмыл в воздух, ткнулся мне в живот всеми четырьмя лапами, облизал лицо, рухнул на землю, обежал вокруг, уселся у меня под ногами, высунул язык и тяжело задышал.

Я переступил через него, облокотился на машину и вынул носовой платок.

- Хитклиф! Хитклиф! – позвал мужской голос. На бетонной дорожке слышались шаги.
- Хитклиф здесь, – угрюмо отозвался шофер.
- Хитклиф?
- Ну да, собаку зовут Хитклиф, неужели непонятно?

– «Грозовой перевал»?⁴ – уточнил я.

– Опять околесицу несешь, – хмыкнул он. – Тихо! Идет!

Взял губку и шланг и снова стал мыть машину. Я отошел в сторону. Проклятый пес тут же опять ткнулся мне в ноги, так что я чуть не упал.

– Эй! Хитклиф! – еще громче позвал мужской голос, и в проходе между отгороженными решеткой кустами роз появился человек.

Высокий, смуглый, с гладкой оливковой кожей, блестящими черными глазами, ослепительно-белыми зубами. Баки. Узкие черные усики. Баки очень длинные, слишком длинные. Белая рубашка с вышитыми на кармане инициалами, широкие белые брюки, белые туфли. На худом загорелом запястье наручные часы с золотой цепочкой. Вокруг тонкой бронзовой шеи желтый шейный платок.

Увидел, что собака сидит у меня в ногах, и это ему не понравилось. Щелкнул длинными пальцами и четким, резким голосом бросил:

– Ко мне, Хитклиф!

Собака тяжело дышала и не шевелилась, только еще тесней прижалась к моей правой ноге.

– Кто вы такой? – спросил он, пристально посмотрев на меня.

Я протянул ему визитную карточку. Оливковые пальцы взяли ее. Собака потихоньку выбралась у меня из-под ног, обогнула машину спереди и скрылась.

– Марлоу, – сказал он. – Марлоу, да? Детектив? Что вам надо?

– Повидать миссис Морни.

Он оглядел меня с ног до головы, блестящие черные глаза из-под пушистых длинных ресниц медленно скользили по моему лицу:

– Разве вам не сказали, что ее нет?

– Сказали, но я не поверил. Вы мистер Морни?

– Нет.

– Это мистер Венниер, – процедил у меня за спиной шофер, вызываясь растягивая слова. – Мистер Венниер – друг дома. Частенько у нас бывает.

Венниер посмотрел мимо меня, глаза у него злобно вспыхнули. Шофер вышел из-за машины и с презрительной миной небрежно выплюнул изо рта окуроч.

– Я сказал сыщику, что хозяина нет, мистер Венниер.

– Понятно.

– Сказал, что дома только миссис Морни и вы. Не надо было?

– Нечего лезть не в свое дело, – сказал Венниер.

– Черт, как же это я не сообразил! – хмыкнул шофер.

– Убирайся, пока я не свернул тебе шею, мерзавец, – сказал Венниер.

Шофер спокойно посмотрел на него, скрылся в гараже и опять начал насвистывать. Венниер перевел злобный взгляд на меня и бросил:

– Вам, кажется, было ясно сказано, что миссис Морни нет дома, но этого недостаточно, не так ли? Иными словами, такая информация вас не устраивает.

– Если иными словами, то не устраивает.

– Ясно. Так вот, не могли бы вы потрудиться сказать, что именно вы хотели обсудить с миссис Морни?

– Я бы предпочел объяснить это самой миссис Морни.

– А вам не приходит в голову, что она не желает вас видеть?

– Смотри в оба, приятель, – раздался из-за машины голос шофера. – У него может быть нож в правой руке.

⁴ Хитклиф – персонаж романа Э. Бронте «Грозовой перевал» (1847).

Оливковая кожа Венниера приобрела оттенок сухих водорослей. Он повернулся на каблуках и сдавленным голосом обронил:

– Следуйте за мной.

Венниер прошел кирпичной дорожкой между кустами роз к белой калитке. За ней находился обнесенный стеной внутренний сад: густо засаженные яркими однолетними цветами клумбы, площадка для бадминтона – уютная, выложенная дерном лужайка – и маленький, отделанный кафелем бассейн, злобно сверкавший на солнце. Перед бассейном на выложенной плитняком поляне стояла бело-голубая садовая мебель: низкие столы с пластмассовыми крышками, шезлонги с откидными спинками, подставки для ног и громадными подушками, а над ними бело-голубой зонт размером с шатер.

В одном из шезлонгов, закинув длинные ноги на подставку, нежилась роскошная блондинка. У ее локтя стояли высокий запотевший стакан, серебряное ведро со льдом и бутылка шотландского виски. Шагов с десяти от нее нельзя было оторвать глаз, а с трех уже можно: рот слишком крупный, глаза слишком голубые, косметика чересчур яркая, тонкие дуги бровей, довольно нелепых по кривизне и размаху, а ресницы покрыты таким густым слоем туши, что напоминали миниатюрную чугунную ограду.

Белые широкие брюки, бело-голубые открытые сандалии на босу ногу, малиновый педикюр, белая шелковая блузка и бусы из зеленых камней – никак не изумрудов. Прическа роскошная – как обстановка ночного клуба.

На стуле рядом лежала белая соломенная шляпа с белой атласной лентой и полями величиной с запасное колесо, а на шляпе – зеленые солнечные очки со стеклами, словно олады.

– Давно пора выгнать этого твоего паршивого красноглазого шофера! – крикнул, подходя к ней, Венниер. – А то смотри, я сверну ему шею. Хамит на каждом шагу.

Блондинка кашлянула, встряхнула носовым платком – просто так – и сказала:

– Сядь и остуди свой секс-эпил. Кто это с тобой?

Венниер стал искать мою карточку, обнаружил, что держит ее в руке, и бросил карточку блондинке на колени. Блондинка лениво подняла ее, пробежала по ней глазами, потом – по мне, вздохнула и постучала длинным ногтем по зубам:

– Что, испугался? Один, я вижу, справиться не можешь.

Венниер злобно посмотрел на меня:

– Ладно, сама с ним разбирайся.

– Можно мне сказать? – спросил я. – Или так и будем разговаривать через переводчика?

Блондинка рассмеялась. Нежный, серебристый смешок, сильно смахивающий на грохот морского прибоя.

Венниер сел и закурил сигарету с золотым фильтром. А я остался стоять.

– Ищу вашу знакомую, миссис Морни, – начал я. – Насколько мне известно, около года назад вы вместе снимали квартиру. Ее зовут Линда Конквест.

Ресницы Венниера вздрагивали: вверх-вниз, вверх-вниз. Он повернул голову к бассейну. У воды сидел кокер-спаниель Хитклиф и косился на нас одним глазом.

Венниер щелкнул пальцами:

– Хитклиф! Хитклиф! Ко мне, дружок!

– Замолчи, – сказала блондинка. – Собака тебя не переносит. Ради бога, угомонись ты наконец.

– Смени тон, – огрызнулся Венниер.

Блондинка хихикнула и окинула его томным взглядом.

– Я ищу девушку по имени Линда Конквест, миссис Морни, – повторил я.

– Слышала, – сказала блондинка, взглянув на меня. – Просто пытаюсь вспомнить, когда мы с ней последний раз виделись. По-моему, не меньше полугода назад. Она вышла замуж.

– Вы не встречались полгода?

– Говорю же – нет, шеф. А зачем она вам?

– Веду одно дело.

– Какое?

– Частное.

– Видали? – оживилась блондинка. – Он ведет частное дело! Слышишь, Лу? Выходит, раз ведешь частное дело, можно сваливаться на голову совершенно незнакомым людям, которые знать тебя не желают.

– Так вам не известно, где она, миссис Морни?

– Конечно – нет! – Она слегка повысила голос.

– Но вы говорили, что не видели ее с полгода. Это не совсем одно и то же.

– Кто вам сказал, что мы с ней снимали квартиру? – резко спросила блондинка.

– Я никогда не выдаю источник информации.

– Из такого зануды, как вы, получился бы отличный продюсер. Я ему все расскажи, а он мне – ничего.

– В отличие от продюсера я выполняю указания своего клиента. Ведь у Линды Конквест нет оснований скрываться?

– А кто ее разыскивает?

– Родители.

– Так я вам и поверила. Нет у нее никаких родителей.

– Вот видите, об этом вы знаете.

– Может, раньше и знала. Это не значит, что знаю теперь.

– Ясно, – сказал я. – Ваш ответ: знаю, но не скажу.

– Убирайтесь отсюда, – неожиданно вмешался Венниер, – и чем скорее, тем лучше. Вот наш ответ.

Я продолжал смотреть на миссис Морни. Она подмигнула мне и сказала Венниеру:

– Не кипятись, дорогой. С шармом у тебя все в порядке, а вот силенок не хватает. На грубую работу ты не годишься. Верно я говорю, шеф?

– Об этом я не подумал, миссис Морни, – ответил я. – Как вы считаете, мистер Морни мог бы помочь мне? И стал бы?

– Откуда я знаю? – Она покачала головой. – Попробуйте. Если вы ему не понравитесь, его ребята быстро с вами разберутся.

– По-моему, вы могли бы сами мне все рассказать, если б хотели.

– А что мне за это будет? – Блондинка кокетливо взглянула на меня.

– Боюсь, ничего: слишком много народу кругом.

– И то правда, – согласилась она и, отхлебнув виски, посмотрела на меня поверх стакана.

Венниер медленно встал. Его лицо побелело. Сунул руку под рубашку и процедил сквозь зубы:

– Убирайся отсюда. Пока жив.

Я сделал большие глаза.

– А еще воспитанный человек! – сказал я. – Только не рассказывайте мне, что у вас под рубашкой пистолет.

Блондинка рассмеялась, показав ровные, крепкие зубы.

Венниер запустил руку за пазуху и сжал губы. Взгляд черных глаз злобный и одновременно пустой – как у змеи.

– Я ведь повторять не буду, – сказал он почти ласково. – Со мной шутки плохи. Пристрелю – не заметишь как. Никто не узнает.

Я взглянул на блондинку. Она смотрела на нас блестящими глазами, жадно приоткрыв чувственный рот.

Я повернулся и пошел прочь. На полпути остановился и посмотрел на них. Венниер стоит в том же положении, спрятав руку за ворот рубашки. Блондинка по-прежнему сидит с широко раскрытыми глазами и застывшей улыбкой на губах, но тень от зонта скрывает выражение ее лица – то ли испуганного, то ли предвкушающего удовольствие.

Я зашагал по лужайке, приоткрыл белую калитку и направился по кирпичной дорожке, обсаженной розами. Дойдя до конца дорожки, повернулся на цыпочках, снова подошел к калитке и еще раз взглянул на них. Сам не знаю зачем.

Буквально оседлав блондинку, Венниер целовал ее.

Я покачал головой и вернулся к дому.

Красноглазый шофер все еще занимался «кадиллаком». Теперь, помыв его, он протирал большой замшевой тряпкой стекла и молдинги. Я подошел к нему.

– Ну как, досталось? – спросил он углом рта.

– Не говори. Еле ноги унес.

Он кивнул, продолжая насвистывать, как конюх, который чистит лошадь.

– Ты с ним поосторожнее, – сказал я. – Он вооружен. Или делает вид, что вооружен.

– Пистолет под рубашкой? – Шофер хмыкнул. – Брось ты!

– А кто этот Венниер? Чем он занимается?

Шофер выпрямился, повесил замшевую тряпку на дверцу и вытер руки полотенцем, которое теперь торчало у него из-за пояса.

– Женщинами, чем же еще! – сказал он.

– А с этой – не рискованно?

– Возможно, – согласился он. – Я бы не стал.

– Где он живет?

– Шерман-Оукс. Она туда к нему ездит. Доездится.

– Тебе когда-нибудь попадалась девушка по имени Линда Конквест? Высокая, темно-волосая, красивая, раньше была эстрадной певицей.

– Ты, я смотрю, за два доллара многого хочешь, приятель.

– Где два, там и пять.

Он покачал головой:

– Не знаю такой. Не слыхал этого имени. Сюда много девиц ездит, в основном фифы всякие. Меня с ними не знакомят. – Он ухмыльнулся.

Я вынул бумажник и вложил трешку в его маленькую потную лапку. Трешку и свою визитную карточку.

– Люблю невысоких, крепко сбитых ребят, – сказал я. – Таким море по колено. Заходи как-нибудь.

– Можно. Спасибо. Линда Конквест, говоришь? Буду иметь в виду.

– Счастливо, – сказал я. – Как тебя зовут?

– Называют Плутот. Сам не знаю почему.

– Пока, Плут.

– Пока. Говоришь, он под рубашкой пушку носит? Никогда не поверю.

– Не знаю. Во всяком случае, руку под мышку сунул. Меня не за тем нанимали, чтобы с первым встречным перестреливаться.

– Да у него на рубашке всего две пуговицы сверху. Сам видел. Неделя пройдет, пока он свою пушку вынет. – Но в голосе Плутона звучала тревога.

– Значит, блефовал, – отозвался я. – Если что-нибудь услышишь про Линду Конквест, дай знать – за мной не пропадет.

– Договорились, приятель.

Я зашагал к воротам по черной асфальтовой дорожке. А он стоял и скреб подбородок.

6

Я медленно ехал по улице, выискивая, где бы поставить машину. Решил на минуту подняться к себе в контору, а потом уже двигаться дальше в центр.

Метрах в десяти от моего дома, перед табачным магазином, от бровки отъехал «паккард». Я скользнул на его место, запер машину и вышел. И тут только заметил, что рядом стоит мой старый знакомый – двухместный автомобиль песочного цвета. Впрочем, вовсе не обязательно тот самый. Таких тысячи. Человека в шоколадной соломенной шляпе с желто-коричневой лентой ни в нем, ни рядом не было.

Я обошел машину спереди и заглянул внутрь. Пусто. На всякий случай записал на конверте номер машины и вошел к себе в подъезд. Ни в вестибюле, ни в коридоре наверху его не было.

Зашел в контору, поискал под дверью на полу почту, не нашел, промочил горло из «служебной» бутылки и вышел. Времени до трех часов оставалось в обрез.

Двухместный автомобиль песочного цвета по-прежнему торчал на стоянке против дома и по-прежнему пустовал. Я сел в свою машину, включил мотор и влился в поток транспорта.

Он догнал меня только на Вайн-стрит, после перекрестка с бульваром Сансет. Я ехал, улыбался и размышлял, где же он так ловко спрятался. Может, в соседней машине. Это не пришло мне в голову.

Я свернул на Третью улицу и поехал по ней в центр города. Двухместный все время держался от меня футах в трехстах. По Грэнд-стрит я доехал до Седьмой, свернул на нее, остановился на углу Олив-стрит, вышел купить совершенно ненужные мне сигареты и, не оборачиваясь, пошел по Седьмой улице на восток. На углу Спринг-стрит я вошел в отель «Метрополь», купил спичек в табачном киоске, напоминавшем по форме огромную подкову, и сел на старый, обитый кожей стул в холле.

Вскоре в холл вошел блондин в коричневом костюме, темных очках и знакомой уже шляпе и, мелькая между пальмами в кадках и лепными сводами, как ни в чем не бывало двинулся к табачному киоску. Купил пачку сигарет и, открывая ее, как бы невзначай повернулся к стойке спиной, чтобы окинуть холл своим орлиным взором.

Взял сдачу, отошел от стойки и сел у колонны. Надвинул шляпу на темные очки и, казалось, уснул с незажженной сигаретой во рту.

Я встал, подошел и сел на стул рядом. Покосился на него. Он не шевелился. С близкого расстояния лицо еще совсем юное, полное, розовое, на плохо выбритом подбородке светлая щетина. За темными очками быстро вздрагивают ресницы. Рука на колене сжалась и смяла брючину. На щеке под правым веком бородавка.

Я зажег спичку и поднес к его сигарете.

– Огня?

– О, благодарю, – очень удивившись, сказал он. Втянул в себя воздух и долго прикуривал. Я потушил спичку, бросил ее в урну и стал ждать.

Прежде чем заговорить, он несколько раз искоса взглянул на меня.

– Я вас уже где-то видел?

– В Пасадене, на Дрезден-авеню. Сегодня утром.

Щеки блондина еще больше порозовели. Он вздохнул.

– Олух я, – сказал он.

– Еще какой, – согласился я.

– А все из-за этой шляпы, – сказал он.

– И шляпы тоже, – сказал я. – Но и без шляпы тоже хорош.

– В этом городе трудно работать, – с грустью сказал он. – Пешком нельзя, на такси никаких денег не хватит, а собственной машины, когда надо, никогда нет под рукой. Вот и попадаешься на глаза.

– Вы бы еще ко мне в карман спрятались, – сказал я. – Вам что-то от меня надо или просто тренируетесь?

– Это я пытался понять, хорошо ли у вас котелок варит. Стоит с вами иметь дело или нет.

– Очень даже стоит, – заверил его я. – Котелок варит лучше некуда.

Он внимательно осмотрелся по сторонам – разве что под наши стулья не заглянул – и только тогда достал небольшой бумажник из свиной кожи. Извлек оттуда совершенно новенькую визитную карточку и вручил мне. Я прочел: «Джордж Энсон Филлипс. Частный детектив. Зенгер-билдинг, 212, Норт-Уилкок-авеню, 1924, Голливуд». Ниже – номер телефона в Гленвью. В верхнем левом углу изображен открытый глаз с очень длинными ресницами и вздернутой от удивления бровью.

– Не годится, – сказал я, указывая на глаз. – Это эмблема Пинкертон. Они подадут на вас в суд.

– Да ладно, – отозвался он, – я им не конкурент.

Я поковырял карточку ногтем, попробовал ее на зуб и сунул в карман.

– Дать вам свою или вы уже собрали на меня досье?

– Я все про вас знаю, – сказал он. – Я был помощником шерифа в Вентуре, когда вы занимались делом Грегсона.

Грегсон был мошенником из Оклахома-Сити, за ним в течение двух лет по всем Соединенным Штатам охотилась одна из его жертв, пока наконец он со страху не пристрелил рабочего на заправочной станции, который принял его за своего знакомого. Давно это было.

– Что вы еще обо мне знаете?

– Я вспомнил ваше имя, когда увидел его сегодня утром под стеклом на водительском талоне. Поэтому, потеряв вас из виду по дороге в город, я без труда узнал ваш адрес. Хотел зайти поговорить, но решил, что не имею права выдавать своего клиента. Ну а сейчас просто не удержался.

Еще один чудак. Третий за сегодняшний день, не считая миссис Мердок, которая тоже вполне может оказаться той еще чудачкой.

Он снял очки, протер их, снова надел и опять осмотрелся по сторонам. А потом сказал:

– Вот я и подумал, почему бы нам не договориться. Объединить, так сказать, наши усилия. Я видел человека, который входил к вам в контору, и решил, что он ваш клиент.

– Вы знаете его?

– Я за ним слежу, – сказал он упавшим голосом. – И пока совершенно безуспешно.

– Что он вам сделал?

– Понимаете, я работаю на его жену.

– Развод?

Он внимательно огляделся и сказал вполголоса:

– Так она говорит, но я в этом не уверен.

– Они оба хотят развода, – сказал я. – И стараются уличить друг друга. Забавно, правда?

– На моем конце все не очень чисто. Время от времени за мной следит один человек. Очень высокий, с каким-то странным глазом. Я ухожу от него, но через некоторое время он возникает снова. Огромного роста. Как каланча.

Очень высокий, со странным глазом. Я задумчиво курил.

– Это что-нибудь вам говорит? – озабоченно спросил блондин.

– Нет, ничего. – Я покачал головой и бросил сигарету в урну. Посмотрел на часы. – Надо бы встретиться и спокойно все обсудить, но сейчас мне некогда. У меня встреча.

– Я бы с радостью, – сказал он. – Честное слово.

– Вот и хорошо. Можно у меня – в конторе или дома, можно у вас. Как хотите.
Он поскреб плохо выбритый подбородок обкусанным ногтем большого пальца.

– Давайте у меня дома, – сказал он наконец. – В телефонной книге нет моего домашнего адреса. Дайте на минутку мою карточку.

Блондин положил визитную карточку на ладонь обратной стороной кверху, достал металлический карандаш и начал медленно писать, высунув кончик языка. Молодеет прямо на глазах. Казалось, сейчас ему немногим более двадцати, хотя наверняка было больше, ведь с дела Грегсона прошло уже шесть лет.

Спрятал карандаш и вернул мне карточку: «Корт-стрит, 128, „Флоренс-апартаментз“, комната 204».

– Корт-стрит в Банкер-Хилл? – Я с удивлением посмотрел на него.

Он кивнул, и его светлая кожа залилась краской.

– Место неважное, – быстро проговорил он. – Но в последнее время я, как назло, сижу без денег. Значит, не хотите у меня встречаться?

– Да нет, почему же – мне все равно.

Я встал и протянул ему руку. Он пожал ее, я опустил руку в карман пиджака и вытер ладонь о носовой платок. Присмотревшись внимательнее, я увидел, что над верхней губой и на носу у него выступили капли пота. А ведь было не так уж жарко.

Я отошел, но потом вернулся и, подойдя к нему вплотную, сказал:

– Если честно, она – высокая блондинка с легкомысленным взглядом?

– Я бы не назвал ее взгляд легкомысленным, – сказал он.

– Между нами говоря, – я придвинулся еще ближе, – вся эта история с разводом – абсолютная чушь. Не в разводе дело.

– По-моему, тоже, – тихо сказал он. – И чем больше я думаю об этой истории, тем меньше она мне нравится. Держите.

Он что-то вытащил из кармана и сунул мне в руку. Плоский ключ.

– Чтобы не ждать в холле, если меня почему-то не будет дома. У меня их два. Когда вы придете?

– Не раньше половины пятого. Вы не раздумали давать мне ключ?

– Конечно нет, мы ведь теперь заодно, – сказал он, бесхитростно посмотрев на меня, – во всяком случае, так мне показалось, хотя его глаз за темными очками видно не было.

У самого выхода я обернулся. Мирно сидит на том же месте с погасшим окурком во рту и в шляпе с нелепой желто-коричневой лентой. Своим невозмутимым видом он напоминал в этот момент рекламу сигарет на последней странице журнала «Сатердей ивнинг пост».

Выходит, мы теперь заодно. И он уверен, что я его не надую. У меня ключ от его квартиры. Могу зайти, как к себе домой. Могу надеть его домашние туфли, выпить его виски, поднять его ковер и пересчитать спрятанные под ним тысячи. Ведь мы теперь заодно.

7

Белфонт-билдинг оказался ничем не примечательным восьмиэтажным зданием, затесавшимся между большим зеленым, с хромированным декором, универмагом уцененных мужских костюмов и трехэтажным (не считая подземных уровней) гаражом, в котором ревели машины, словно львы во время кормления. В небольшом, узком, мрачном вестибюле было грязно, как в хлеву. На доске со списком съемщиков оставалось много свободного места. Из всего списка я знал только одно имя, и то недавно. На противоположной стене из искусственного мрамора висело большое объявление: «Арендуются помещение под табачный киоск. Обращаться в комнату 316».

Из двух открытых лифтов работал только один, да и тот был свободен. В нем, подложив под себя сложенный кусок мешковины, на деревянном табурете сидел старик с водянистыми глазами и запавшей челюстью. Вид у него был такой, словно он сидит здесь с Гражданской войны, которая к тому же не прошла для него бесследно.

Я вошел, сказал: «Восьмой», лифтер с усилием захлопнул дверцы, и колымага, покачиваясь, потащилась наверх. Старик тяжело дышал, точно тащил лифт на собственном горбу.

Я вышел на восьмом этаже и пошел по коридору, а старик высунулся из кабины и пальцами высморкался в картонную коробку, доверху набитую мусором.

Контора Элиши Морнингстара находилась в конце коридора напротив пожарного хода и состояла из двух комнат; на обеих дверях облупившейся черной краской по матовому стеклу значилось: «Элиша Морнингстар. Нумизмат». «Вход», – прочел я на второй двери.

Я повернул ручку двери, вошел в маленькую узкую комнату и увидел закрытую старенькую конторку секретарши, несколько стендов с тускло мерцающими в гнездах монетами, под каждой – пожелтевшая, отпечатанная на машинке этикетка; у стены, в углу, два темных шкафа с картотекой, окна без занавесок и пепельно-серый ковер, такой потертый, что складки на нем можно было заметить, только об них споткнувшись.

За конторкой секретарши, возле шкафов с картотекой, открытая деревянная дверь вела во вторую комнату. В ней ощущалось присутствие человека, ничем в этот момент не занятого. Затем раздался сухой голос Элиши Морнингстара:

– Заходите. Прошу.

Я открыл дверь и вошел. Кабинет оказался таким же маленьким, как и приемная, но мебели в нем было гораздо больше: сразу за дверью зеленый сейф, за ним, против входной двери, массивный старинный стол красного дерева, а на нем книги в темных переплетах, потрепанные журналы и толстый слой пыли. Спертый запах, несмотря на приоткрытое окно. На вешалке засаленная черная фетровая шляпа. Опять монеты в стеклянных стендах и три стола на длинных ножках под стеклянными крышками. Посреди комнаты громоздкий темный, отделанный кожей письменный стол. На столе, помимо обычных вещей, ювелирные весы под стеклянным колпаком, две большие никелированные лупы и ювелирный окуляр на подушечке из потрескавшейся бычьей кожи, рядом со смятым желтым, закапанным чернилами шелковым носовым платком.

За столом на вращающемся стуле сидел пожилой джентльмен в темно-сером костюме с высокими лацканами и множеством пуговиц. Длинные, седые, свалывшиеся волосы спадали на уши. Над волосами, словно скала из воды, возвышалась бледная плешь. Из ушей рос пух, такой длинный, что в нем могла запутаться муха.

Под колючими черными глазками набухли темно-фиолетовые мешки, испещренные морщинами и сосудами. Щеки лоснились, а судя по цвету короткого острого носа, его обладатель в свое время любил пропустить стаканчик. Над стоячим воротничком, который не приняли

бы ни в одной приличной прачечной, торчал массивный кадык, а из-под воротничка, словно мышонок из норки, выглядывал маленький крепкий узел узкого черного галстука.

– Моей юной секретарше пришлось отлучиться к зубному врачу, – сказал Морнингстар. – Вы мистер Марлоу?

Я кивнул.

– Садитесь, прошу вас. – Костлявая рука указала на стул напротив. Я сел. – Полагаю, у вас есть при себе какое-нибудь удостоверение личности?

Я предъявил. Пока он читал, я прияхивался к нему через стол. От старика исходил сухой, отдающий плесенью запах – как от чисто вымытого китайца.

Морнингстар положил визитную карточку на стол лицевой стороной вниз и сложил на ней руки. Колючие черные глазки пытливо ощупывали мое лицо.

– Итак, чем могу служить, мистер Марлоу?

– Расскажите мне про дублон Брешера.

– Ах да. Дублон Брешера. Любопытная монета. – Он поднял руки со стола и сложил пальцы пирамидой, как какой-нибудь старинный частный адвокат, который задумался над сложным вопросом. – В известном смысле это самая интересная и ценная из всех старинных американских монет. Как вам, впрочем, хорошо известно.

– Не могу сказать, чтобы я был самым крупным специалистом в этой области.

– Вот как? – удивился он. – Вот как? Так вы хотите, чтобы я рассказал вам о золотом дублоне?

– За этим я и пришел, мистер Морнингстар.

– Золотой дублон Брешера примерно соответствует двадцатидолларовой золотой монете. Размером он в полдоллара. Почти один к одному. Монета выпущена в обращение в тысяча семьсот восемьдесят седьмом году для штата Нью-Йорк. Это был частный выпуск: первый монетный двор появился только в тысяча семьсот девяносто третьем году в Филадельфии. Дублон Брешера был, стало быть, отчеканен в домашних условиях. Ее изготовитель – частный ювелир по имени Эфраим Брешер, или Брешир. В литературе он известен как Брешир, а на монете стоит «Брешер». Почему – сам не знаю.

Я сунул сигарету в рот и закурил – уж очень противно пахло в комнате.

– А как же, интересно, ее чеканили в домашних условиях?

– Обе половинки гравировались на стали, разумеется в обратном виде, затем штемпеля сажались в свинец. Золотые крупинки отжимались на них в монетном прессе. Потом их подрезали для подгонки к весу и приглаживали. Причем все вручную – гуртовальных машин в тысяча семьсот восемьдесят седьмом году еще не было.

– Затяжное, как видно, дело, – вставил я.

– Безусловно. – Морнингстар кивнул своей остроконечной белой головой. – А поскольку в то время без деформации невозможно было добиться качественной закалки, матрицы изнашивались, и их приходилось время от времени восстанавливать, что всякий раз приводило к незначительным изменениям в рисунке, которые видны только под сильным увеличительным стеклом. Иными словами, если исходить из современных методов микроскопического исследования, нет ни одной пары совершенно идентичных между собой монет. Я ясно выражаюсь?

– Да, – сказал я. – Более или менее. Сколько таких монет существует теперь и какова их ценность?

Он разомкнул кончики пальцев, опять положил руки на стол и стал их потирать.

– Сколько их сейчас, я не знаю. Думаю, никто не знает. Несколько сот, тысяча, а возможно, и больше. Но из них лишь очень немногие так и не поступили в обращение и находятся в отличном состоянии. Такие монеты обычно стоят не меньше нескольких тысяч. В настоящее время из-за девальвации доллара не поступившая в обращение монета, попади она к опытному

перекупщику, может легко принести десять тысяч, а то и больше. Разумеется, для этого необходимо знать историю монеты.

– А-а, – протянул я, медленно выпустив из легких дым и отмахнув его ладонью от сидевшего напротив старого джентльмена. Он явно не курил. – А без истории и опытного перекупщика сколько?

Он пожал плечами:

– Если история монеты неизвестна, значит она, скорее всего, приобретена незаконно. Украдена либо добыта обманным путем. Хотя и вовсе не обязательно. Иной раз редкие монеты оказываются в самых неожиданных местах. В допотопных железных сундуках, в тайниках старых домов Новой Англии. Но случается такое нечасто, уверяю вас. Хотя и бывает. Я знаю одну очень ценную монету, которая во время реставрации старого дивана выпала у него из подкладки. Диван этот девяносто лет простоял в одной и той же комнате одного и того же дома в городе Фолл-Ривер, штат Массачусетс. Никто не знал, как туда попала монета. Но в принципе, всегда может возникнуть подозрение в краже. Особенно в здешних местах.

Отсутствующим взглядом старик вперился в потолок. Этот умеет хранить тайны – во всяком случае, свои собственные.

Перевел глаза на меня и сказал:

– С вас пять долларов.

– Чего? – переспросил я.

– С вас пять долларов.

– За что?

– Не валяйте дурака, мистер Марлоу. Все, что рассказал вам я, можно было узнать в библиотеке. Прежде всего из «Описи» Фосдайка. Вы же предпочли обратиться ко мне. За это я и беру пять долларов.

– А что будет, если я не заплачу?

Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза. На губах играла легкая улыбка.

– Заплатите, – сказал он.

И я заплатил. Достал из бумажника пятерку, встал и, перегнувшись через стол, аккуратно положил ее перед ним. Погладил бумажку кончиками пальцев – как котенка.

– Пять долларов, мистер Морнингстар, – сказал я.

Он приоткрыл глаза и посмотрел на деньги. Улыбнулся.

– А теперь, – сказал я, – поговорим о том дублоне Брешера, который вам пытались продать.

Он чуть шире открыл глаза.

– Разве кто-то пытался продать мне дублон Брешера? Зачем?

– Затем, что им нужны были деньги, – ответил я. – И они не хотели, чтобы им задавали слишком много вопросов. Они знали или выяснили, что вы занимаетесь монетами и что дом, в котором находится ваша контора, – грязная дыра, где может произойти все, что угодно. Они знали, что ваш кабинет в самом конце коридора, что вы пожилой человек и не станете делать лишних движений – здоровье не позволяет.

– Что-то они у вас слишком много знали, – сухо сказал Элиша Морнингстар.

– Не больше, чем нужно для дела. Как и мы с вами. А выяснить все это ничего не стоит.

Он сунул мизинец в ухо, поковырял в нем и извлек оттуда комочек темной серы. Небрежно вытер палец о пиджак.

– И все это вы предположили только потому, что я позвонил миссис Мердок узнать, не продается ли дублон Брешера?

– Именно. Она тоже так решила. Ведь это вполне естественно. Как я уже говорил вам по телефону, вы не могли не знать, что монета не продается. Если хоть немного разбираетесь в деле. А вы, я вижу, разбираетесь, и очень неплохо.

Морнингстар слегка поклонился. Сдержал улыбку, но был явно польщен – как только может быть польщен джентльмен в стоячем воротничке.

– Допустим, вам предлагают приобрести эту монету при подозрительных обстоятельствах, – рассуждал я. – Вы захотите купить ее, если она обойдется вам дешево и если у вас есть деньги. Но вы захотите знать, откуда она. И даже если вы абсолютно уверены, что монета краденая, то все равно ее купите, если только за нее просят недорого.

– Вот как? – сказал он не без некоторого интереса.

– Разумеется, купите, если вы настоящий коммерсант. Во что я теперь вполне готов поверить. Покупая монету – за умеренную цену, – вы спасаете ее владельца или его доверенное лицо от безвозвратной потери. Они будут только рады возместить вам издержки. Так всегда делается.

– Значит, «Брешер» Мердока украден? – неожиданно выпалил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.